

И. С. Веселова

УПРАВЛЕНИЕ РЕАЛЬНОСТЬЮ: ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В РИТУАЛЬНОЙ РЕЧИ (СЕВЕРНОРУССКОЕ «ВИНОГРАДЬЕ»)*

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена анализу коммуникативных ситуаций употребления имен участников коммуникации при исполнении винограды — песни-величания с полужанровым сюжетом. Выбор сюжета винограды в зависимости от социального и половозрастного статуса адресата и номинация персонажа его именем создают особую символическую реальность, которая несет магическую функцию благопожелания в реальности социальной. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: фольклор, винограды, коммуникативные параметры, устная речь, личные имена, прагматика, символическая реальность, ритуальная речь.

TRANSFORMING REALITY: PERSONAL NAMES IN RITUAL SPEECH (VINOGRADYO — CAROLS FROM THE NORTH OF RUSSIA)

I. S. Veselova

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article analyses how proper names are used in *Vinogradyo*, i.e. a song with ritual functions and semi-epic plot. Choosing one of the typical plots and using of the proper name of the addressee as the name of *Vinogradyo* personage depends on the social and gender status of the addressee. Those communicative parameters create unique symbolic reality, which transforms the social reality of the addressee. Refs 9.

Keywords: folklore, Vinogradyo, communicative parameters, proper names, oral speech, pragmatics, symbolic reality, ritual speech.

В июле 2007 г. в селе Жердь Мезенского р-на Архангельской обл. мне посчастливилось познакомиться с семейной парой — Василием Алексеевичем и Калисфеньей Ивановной Кузнецовыми. Незадолго до нашей встречи они отметили золотую свадьбу. Они были знаменитыми на всю округу певцами, выступали в сельском фольклорном хоре, оба были запевалами, их семья с четырьмя дочерьми была прекрасным семейным ансамблем. Привела нас в гости к родителям старшая дочь, жившая в соседнем селе. Муж дочери, глава сельской администрации, охотник и рыболов, обустроивал наш экспедиционный быт и в первые дни из-за погодных неурядиц поселил нас в своем доме, кормил собственноручно добытыми рыбными и охотничьими деликатесами. Ранним утром в Петров день в доме у Кузнецовых мы тоже были щедро угощены. После знакомства и чаепития я попросила Калисфенью Ивановну вспомнить песни, которые исполнялись в ее молодости на несоветские праздники, например святочные колядки. На просьбу Калисфеньи Ивановны ответила, что «эти частушки» (она имела в виду колядки) и ребенок споет, лучше она споет нам винограды, и тут же запела. Запела легко и уверенно, запнулась только строке на восьмой–девятой, и только тут заметила, что я ее записываю. Остановила запись, призвала на помощь мужа, и вместе они начали петь заново. Это было пре-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Коммуникативные параметры жанров русского фольклора: номинации и обращения» (Шифр ИАС УНИ 31.38.309.2014).

красно исполненное длинное, настоящее виноградьё, которое до этого я встречала только в антологиях календарного фольклора. Они исполняли «девьё» виноградьё, в котором во чистом поле в «бел-полотняном шатре, полубархатном» за дубовыми столами девица вышивает полотенце «во четыре угла»: первый угол — «ясен месяц со звездами», второй — «ясно солнце с маревами с золотыми со лучами», третий — «тёмный лес со зверями» и четвертый — «сине море с кораблями». В середине полотенца поместилась вся остальная Русь «со церквами, попами и подьячими». На последних Калисфенья Ивановна споткнулась, поскольку живого «подьячего» она, пожалуй, ни разу не видела. Все остальное было ей знакомо и вообразимо. В тот момент, когда певице нужно было вставить имя вышивающей девицы, она повернулась к дочери: «Тебя пропоём». Так в шатре оказалась «девица-душа, да уж Ольга-госпожа». Мимо по сюжету проходил добрый молодец во всем великолепии: «увешенный лисицами-куницами» и с «золотым копьём в руке». И совершенно естественно, имя молодца было именем зятя. В песне он «небылыми словесами похваляется», обещая взять девицу за правую руку и повести «во злату церковь (которую она только что вышила. — И. В.) да Божий крест целовать». И дочь, и мы были тронуты песней — не только качеством ее исполнения, но и красотой возникшего перед нами мира. За каждой строкой песни следовал припев «Виноградиё красно-зелёное!». Припев превращал северную деревню в подобие парадиза. Никаких плодов кроме черемухи и рябины, не говоря уже о винограде, в этих краях не вызревает. Но реальность на наших глазах преображалась. То есть ничего необычного в том, что дочь и зять были в этой песне умелыми и успешными, не было. Трогательным было то, что родители видели их такими. Это было щедрое и спонтанное благословение. Благословение тем более ценное, что дочь вышла замуж недавно, и у нее, и у мужа это был второй брак. Родители были счастливы за дочь и зятя и смогли выразить свои чувства на редкость чутко. Напомню, что это был экспромт. Ни на свадьбе, ни в других обстоятельствах виноградьё не исполнялось. Руководствуясь своими фольклористическими интересами, я попросила спеть календарную песню — Калисфенья Ивановна отозвалась на просьбу и, импровизируя, вложила в старинные слова свой смысл. Потом, во время чаепития, она вспомнила, что этим же виноградьём женщины на отдаленном колхозном сенокосе 50 лет назад припели ей Василия. Они с Василием давно вместе «гуляли», и старшие женщины решили пропеть им виноградьё с намеком на то, что пора справлять свадьбу. По возвращении с сенокоса Василий отвел Калисфенью не в церковь, а в сельсовет, не крест целовать, а расписаться в книге актов гражданского состояния. Но виноградьё свое дело сделало.

Вопрос — как? Как старшие женщины в 1957 г. и сами Кузнецовы в 2007 г., говоря словами Джона Остина, «сделали вещи при помощи слов»? «Вещью» было благословение: одобряющее брак в 2007 г. и побуждающее к браку в 1957 г. Как слова стали не «просто словами», а перформативами, изменившими реальность?

Н. П. Колпакова работала в том же Мезенском районе в 1958–1961 гг., т. е. всего пару лет спустя припевания Калисфеньи Ивановны Василию Алексеевичу на сенокосе. В предисловии к публикации собрания «Песенный фольклор Мезени» она отмечает: «Традиция исполнять “виноградиё”, долго и крепко державшаяся на старом Севере, с 1920-х годов стала заметно и быстро падать. Тем не менее самые тексты их прочно хранятся в памяти населения до наших дней с необычайной устой-

чивостью. Записи 1961 г. в ряде случаев оказались не только не беднее, а, наоборот, полнее и длиннее текстов, записанных прежде. Но, конечно, знают “виноградия” сегодня уже только особо “певкие” старухи и отдельные женщины среднего возраста. Из живого быта современных мезенских колхозов они ушли совершенно» [Колпакова, с. 27]. Как мы теперь понимаем, Наталья Павловна ошиблась по поводу ухода виноградий из жизни советских крестьян. Именно колхозный сенокос и стал площадкой для исполнения винограды женщинами среднего возраста для своих молодых односельчан.

Н. П. Колпакова дает следующее определение жанру: «величания, известные под названием “виноградин”, получили свое наименование за припев — “виноградие красно-зеленое”, повторявшийся в них через каждую строчку на протяжении всего текста. Это длинные величальные песни с образами полуэпического характера и медленным, величавым, монотонным напевом, мелодия которого не шла дальше одной повторяющейся строки» [Колпакова, с. 27]. Таким образом, мы имеем дело с фольклорным жанром, который определяется прежде всего через характерный припев и только потом через тип сюжета (полуэпический), функцию (величания), мелодику (величавую и монотонную) и обрядовую приуроченность (свадебную или святочную). В публикациях и полевых записях фольклористов винограды часто имеют определение: «семейное» — адресованное взрослой семейной паре, хозяину и хозяйке, «девяе» (девушке на выданье), «парнишное» (холостому парню). В рукописях мезенской экспедиции Н. П. Колпаковой 1958 г. мне встретилось винограды бездетной паре. Фактор адресации определяет выбор «сюжета» винограды из девяти наиболее распространенных¹. Для коммуникативных конвенций данного жанра важно, что истории, адресуемые незамужней девушке, холостому парню, молодой или бездетной паре, различны.

На примере исполнения винограды К. И. и В. А. Кузнецовыми мы заметили важную жанровую особенность — употребление в тексте величания личных имен участников коммуникации, точнее, его адресатов. «Встраивание» личных имен коммуникантов в ткань текста сближает винограды с заговорами, колыбельными,

¹ В исследовании «Винограды: песня-обряд» Т. А. Бернштам и В. А. Лапин различают сюжеты по приуроченности к обряду и собственно нарративному типу. Самый известный по курсу русского фольклора тип сюжета — колядный, или благопожелание. В. Я. Пропп в книге «Русские аграрные праздники» анализирует колядный сюжет винограды, который представляет собой зачин с описанием путешествия колядовщиков издалека, поиск хозяйского двора, центральную часть с величанием хозяина и хозяйки и заключительное властное требование угощения за величание, благопожелание или угроза скупым слушателям [Пропп, с. 50–53]. Колядные винограды составляют самый крупный блок — 87 из 246 выявленных Бернштам и Лапиным текстов. Свадебно-брачная тематика объединяет разнообразные сюжеты: «Молодец» (сюжет с вопросно-ответной композицией величания молодца, у которого «в три ряда кудри завиваются»), «Вышивание» (в шатре девица вышивает платок, мимо проходит молодец и «небылыми словесами похвывается», намереваясь взять девицу в жены), «Перстень» (муж с женой лежат на кровати под деревом, между ними катается перстень, они снаряжают «гонцов» на небо за богатством или детьми), группа сюжетов «Женитьба» с четырьмя разными сюжетами женитьбы: птица, обещающая молодцу веселить его свадьбу (1), отцу — пора пиво варить и сына/дочь женить (2); молодец переводит через реку по жердочке девицу (3) и девица заслушивается в саду соловья, который сманивает ее на чужую сторону (4). К свадебно-брачным сюжетам относится «Винограды-Дунай», в котором припев может меняться на «да из-за Дунай» — молодец на переднем из череды кораблей делает стрелу и роняет перстень в море. Необрядовые винограды представляют собой сюжеты исторических песен, например «Скопина» или «Выкупа Филарета», в исполнение которых «встраивается» припев [Бернштам, Лапин, с. 260–261].

вечериночными припевками, свадебными величальными и корильными песнями. В заговорных сюжетах соучаствуют персонажи из разных миров: знающий, называющий себя по имени и отправляющийся, благословясь и перекрестясь, в путешествие по заговорному миру, названный по имени пациент и призванные на помощь магические и сакральные авторитеты (заря-заряница, буйные ветры, Богородица и пр.). В сопроводительной статье к публикации великорусских заклинаний из собрания Л. Н. Майкова А. К. Байбурин замечает, что «заговор переполнен именами». Наблюдение за текстами заговоров, даже вне ситуации их реального исполнения, дает основание для вывода о том, что «введение в текст *имярек* (имени конкретного заказчика) ориентирует заговор на строго индивидуальную ситуацию» [Байбурин, с. 171]. Однако, в отличие от заговаривающего, пациент не становится действующим героем сюжета, он — объект действий знающего и иномирных сил.

Несколько по-иному обстоит дело в колыбельной. Ребенок, которому адресована усыпляющая песня, может стать ее персонажем, для чего поющий назовет его в песне по имени. И тогда в мире колыбельной на Лёшу/Катю/Ваню и др. может напасть серый волчок или посыпаться «колотушки»². Угрозы и посулы, адресованные конкретному усыпляемому младенцу, но проговоренные внутри символической реальности колыбельной, действуют не как приказ «Спи!». Приказывать в этой ситуации, мягко говоря, неэффективно. Угрозы и обещания **внутри мира колыбельной** «как будто бы» угрожают или сулят, в то время как в **физическом мире** ритм, мелодия и раскачивание зыбки изменяют состояние младенца.

В виноградирах используется тот же прием включения адресата в символическую реальность. Имя адресата присваивается персонажу. Любопытный пример приема личной номинации мы находим в публикациях виноградий из собрания Алексея Владимировича Маркова [Беломорские старины и духовные стихи, с. 821–836]. Интересно, что большая часть опубликованных в этом издании виноградий — холостые, и величают в них «Алексея свет Владимировича». Не вызывает сомнения, что сказители имели в виду в своих песнях собирателя. Известно, что А. В. Марков проводил свои полевые исследования на Русском Севере с 1898 г. по 1909 г., т. е. в возрасте 20–30 лет, и он не был женат. В исполненном в с. Нижняя Зимняя Золотица в июне 1899 г. «парнишном» виногради Аграфена Матвеевна Крюкова величает по имени-отчеству не только собирателя, но и всех его родственников: «родна матушка она Мария Поликарповна», «родён батюшко Владимир Семеновиць» и «родна сестриця, шьто по имени Зинаида Владимировна» [Беломорские старины и духовные стихи, с. 836]. Исполняя по просьбе А. В. Маркова виноградь, собеседники старались устроить его личную жизнь. Некоторые оставляли за ним свободу выбора — деликатно пропуская имя припеваемой ему девушки, другие здоровались его вместе с вполне определенными людьми, например «с Матренушкою, с Микитисьнёю». Кем была избранница певицы Авдотьи Максимовны из дер. Гридино в июле 1909 г., мы вряд ли узнаем. Но мы видим не

² Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю,
Придёт серенький волчок,
Лёшу схватит за бочок.

ФА СПбГУ Онеж10-29 (см.: Куприянова С. О. Номинации адресата в колыбельных песнях // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2016. Вып. 3. С. 24–33).

только результаты интенсивной и успешной полевой работы фольклориста, но и не менее интенсивные попытки контрагентов изменить его жизнь, подобрав супругу.

Каков механизм изменения реальности при помощи слов?

Я настойчиво обращаю внимание на коммуникативные особенности исполнения виноградий. И прежде всего на участников этой специфической коммуникации: того, кто берет на себя право величать, и того, кому величание адресовано. В зависимости от взаимоотношений адресанта/ов и адресата, виноградия могут стать благословением, одобрением, побуждением и даже принуждением (мы не знаем, насколько А. В. Марков был расположен к «Матренушке Микитичне»). Главное, что винограды, как и заговоры, колыбельные и величания, т. е. магические и ритуальные жанры, не исполняются без потребности изменить реальность адресата: найти ему мужа/жену, привлечь благосостояние или даже помочь зачать детей. Область применения виноградий — желаемый мир семейной нормы. Норма в общих своих чертах от времени первых записей виноградий (начало XIX в.) до наших дней остается неизменной: материально благополучная жизнь с достойной супругой/супругом и детьми. Изменились детали конвенции вмешательства в личную жизнь. Например, публичное коллективное признание проблем бесплодия и пожелание их разрешения в современном городском пространстве невозможны.

Социологи П. Бергер и Т. Лукманн в книге «Социальное конструирование реальности» утверждают, что реальность повседневного мира, которую они называют *высшей*, испытывает влияние конечных областей значений (сновидений, литературы, религии). Будучи своего рода символическими анклавами в повседневности, они транспонируют в нее свои смыслы. Медиатором подобной транспозиции выступает язык: «Он может иметь отношение к переживаниям в конечных областях значений и соединять оторванные друг от друга сферы реальности. Например, можно интерпретировать “значение” сна, лингвистически интегрируя его в рамки порядка повседневной жизни. Такая интеграция перемещает отвлеченную реальность сна в реальность повседневной жизни, которая становится анклавом в рамках последней. Теперь сновидение приобретает значение скорее в понятиях реальности повседневной жизни, чем в понятиях его собственной отвлеченной реальности. Анклавы, возникающие в результате такого перемещения, принадлежат обоим сферам реальности. Они “размещены” в одной, но “имеют отношение” к другой. Таким образом, предмет — обозначение, который соединяет различные сферы реальности, можно определить как символ, а лингвистический способ, с помощью которого происходят такие перемещения, можно назвать *символическим языком* (курсив мой. — И. В.)» [Бергер, Лукманн, с. 70–71].

Принцип работы символического анклава непрост. При помощи символического языка он создает некую условную реальность, смыслы которой за счет неких медиаторов могут быть перенесены в реальность повседневную. Поскольку мы говорим о ритуальной речи, то медиаторами в заговорах, колыбельных и виногради-ях выступают особые знаки — личные имена участников коммуникации и сопутствующие им номинации (девица, душа, госпожа, добрый молодец, господин и др.).

Для того чтобы определить, как соотносится повседневная реальность с символической, я предлагаю воспользоваться моделью коммуникативных уровней литературного произведения В. Шмида. Шмид усложнил модель коммуникации «адресант—сообщение—адресат», предложенную Р. Якобсоном. В модели Шмида

«сообщение» стало многослойным и поместило литературное произведение со всеми включенными повествовательными инстанциями в более широкую ситуацию взаимодействия автора и читателя. Так, конкретный автор создает литературное произведение, а конкретный читатель его читает. Конкретный автор имеет в виду некоего абстрактного читателя (именно с ним он общается на страницах произведения). А конкретный читатель по приметам, содержащимся в тексте произведения, воображает себе абстрактного автора. Абстрактные автор и читатель принадлежат литературному произведению. В изображаемом мире действуют фиктивный нарратор, например г-н Белкин в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина, а также фиктивный читатель (к которому обращается автор в «Евгении Онегине»). В повествуемом нарратором мире залегает самый глубокий коммуникативный уровень: уровень коммуникации персонажей [Шмид, с. 39–49].

Применив модель коммуникативных уровней к фольклорному исполнению, мы увидим, что в реальном мире общаются исполнитель и аудитория, или адресант с адресатом. Исполнитель и аудитория осуществляют специфическую коммуникацию, отличающуюся от реплик повседневной речи. Они общаются при помощи исполнения фольклорного произведения определенного жанра, который создает символическую реальность. Фольклорный жанр, по Б. Н. Путилову, представляет собой «исторически сложившуюся и реализуемую в конкретных произведениях, в совокупности произведений систему содержательных, собственно поэтических, функциональных и исполнительских принципов, норм, стереотипов, за которыми стоят выработанные коллективным опытом представления, отношения, связи с теми или иными сферами действительности, социальными институтами, бытом» [Путилов, с. 167]. В соответствии с принципами и нормами говорящий, поющий или сказывающий создает фольклорное произведение, а слушающий понимает его. Коммуникативные параметры жанра определяют, в частности, статусные характеристики участников, специфическое время и место и т. д. Так, в коммуникативные параметры виноградия включены представления о том, что старшие или ровесники могут величать младших или равных себе чаще всего в рамках календарного, святочного, или переходного, свадебного, обряда. Без знаний коммуникативных конвенций жанра обеими сторонами, адресантом и адресатом, фольклорное исполнение невозможно. Как отметила Н. М. Герасимова в отношении жанра сказки, «чтобы оказаться в сказочном мире, необходимо принять “правила игры”, которые задаются в сказке инициальными и финальными формулами, образующими рамку сказочного текста: это правила места, времени и лица. Сильная начальная позиция этих формул далеко не случайна, поскольку отмечает границы высказывания. Именно здесь происходит включение аудитории в сказочное действие, проявляется специфическая фигура медиации — сказочник, осуществляющий посредничество между традицией и слушателями» [Герасимова, с. 79]. При устном исполнении фольклорного произведения исполнитель и аудитория сосуществуют в нескольких реальностях: физической реальности исполнения и символической реальности фольклорного произведения. Символическая реальность фольклорного произведения представляет собой особый мир со своими законами и особенностями (временем, местом, сюжетом, формулами, мотивами и персонажами). Часть фольклорных жанров, имеющих ритуальное или магическое значение, предполагает умение исполнителя соединять реальные и символические реальности в целях изменения

первых. Одним из приемов подобного соединения и взаимодействия является использование личных имен участников коммуникации и других форм их номинации.

Холостым «прописывают» женитьбу/замужество, молодоженам — благополучное обустройство хозяйства, бездетным — детей. Рецептов улучшений столько же, сколько сюжетов виноградий (их, напомним, не больше десятка), а конкретных человеческих ситуаций значительно больше. Личные имена индивидуализируют и интимизируют универсальный рецепт, соотносят со временем, местом, личными обстоятельствами, и в результате реальность повседневности принимает на время исполнения идеализированную форму символической реальности и сохраняет суггестивный эффект так долго, как позволяют память и впечатлительность адресатов. Калисфенья Ивановна и Василий Алексеевич Кузнецовы, спевшие виноградье своей дочери и заодно заезжим фольклористам, рассказали, что в их случае действие фольклорного перформатива пожизненное. Ответить на вопрос, какое действие произвели на А. В. Маркова величающие его виноградьа, мы вряд ли когда-либо сможем.

Литература

- Беломорские старины и духовные стихи: собрание А. В. Маркова / подг. текста С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1080 с.
- Байбури А. К. Леонид Николаевич Майков и его собрание заговоров // Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова / послесл., примеч. и подгот. текста А. К. Байбурина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Европейский Дом, 1994. С. 168–174.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Бернштам Т. А., Лапин В. А. Виноградье — песня и обряд // Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. С. 239–363.
- Герасимова Н. М. Севернорусская сказка как речевой жанр // Прагматика текста: фольклор, литература, культура. СПб.: РИИИ; СПбГУ, 2012. С. 70–91.
- Песенный фольклор Мезени / под ред. Н. П. Колпаковой, Б. М. Добровольского, В. В. Митрофановой и др.. Л.: Наука, 1967. 367 с.
- Пропи В. Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Терра; Азбука, 1995. 176 с.
- Путилов Б. Н. и др. Фольклор и народная культура // Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб.: Петербург. востоковедение, 2003. С. 7–236. (Ethnographica Petropolitana; IX).
- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- Для цитирования: Веселова И. С. Управление реальностью: личные имена в ритуальной речи (севернорусское «Виноградье») // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 15–23. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.302.

References

- Belomorskije stariny i dukhovnye stikhi: Sbranie A. V. Markova [Belomorsk Antiques and Spiritual Poetry: A. V. Makarov's Collection]. Ed. by T. G. Ivanova; text preparation S. N. Azbelev, Ju. I. Marchenko. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002. 1080 p. (In Russian)
- Baiburin A. K. Leonid Nikolaevich Maikov i ego sobranie zagovorov [Leonid Nikolaevich Maikov and his Collection of Charms]. Velikorusskie zaklinaniia. Sbornik L. N. Maikova [Great Russian Charms. Collection of L. N. Maikov]. Ed. by A. K. Baiburin. 2nd ed. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 1994, pp. 168–174. (In Russian)
- Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia [Social Constructing of Reality. Tractates on Sociology of Knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russian)

- Bernshtam T. A., Lapin V. A. Vinograd'e — pesnia i obriad [Vinogradyo — A Song and a Ritual]. *Bernshtam T. A. Narodnaia kul'tura Pomor'ia* [Folk Culture of Pomorye]. Moscow, United Humanitarian Publ., 2009, pp. 239–363. (In Russian)
- Gerasimova N. M. Severnorusskaia skazka kak rechevoi zhanr [North Russian Fairy Tale as a Speech Genre]. *Gerasimova N. M. Pragmatika teksta: fol'klor, literatura, kul'tura* [Pragmatics of Text: Folklore, Literature, Culture]. St. Petersburg, Russian Institute of Art History Press; St. Petersburg Univ. Press, 2012, pp. 70–91. (In Russian)
- Pesennyi fol'klor Mezeni* [Song Folklore of Mezen]. Eds. N. P. Kolpakova, B. M. Dobrovol'skii, V. V. Mitrofanova, V. V. Korguzalova. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 367 p. (In Russian)
- Propp V. Ia. *Russkie agrarnye prazdniki* [Russian Agricultural Holidays]. St. Petersburg, Terra Publ.; Azbuka Publ., 1995. 176 p. (In Russian)
- Putilov B. N. Fol'klor i narodnaia kul'tura [Folklore and Folk Culture]. *Putilov B. N. et al. Fol'klor i narodnaia kul'tura. In memoriam* [Folklore and Folk Culture. In memoriam]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003, pp. 7–236. (Ethnographica Petropolitana; IX). (In Russian)
- Schmid W. *Naratologiya* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 312 p. (In Russian)

For citation: Veselova I. S. Transforming Reality: Personal Names in Ritual Speech (Vinogradyo — Carols from the North of Russia). *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 15–23. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.302.

Приложение

ФА СПбГУ Мез4-41, ФА ПЦ DAu07-102_Arch-Mez_07-07-12_KuznecovVA_1

Записано 12 июля 2007 г. в д. Жердь Жердского с/с Мезенского р-на Архангельской обл., от Калисфеньи Ивановны Кузнецовой, 1932 г.р., урож. д. Жердь, и Василия Алексеевича Кузнецова, 1933 г.р., урож. д. Жердь, И. С. Веселовой, В. В. Козаком, Е. Е. Самойловой.

Как во дáлече-далéче, во чистом было поле,
 Да виноградиё, красно-зелёное.
 Там стоял-то постоял да бел-полотяный шатёр,
 (далее припев «Да виноградиё, красно-зелёное» после каждой строчки)
 Бел-полотяный шатёр, да полубархатный,
 Как во этом во шатре да дубовы столы стоят,
 А за этими столами сидит девица-душа,
 Сидит девица-душа... Тебя пропоём (К дочери. — И. В.), да уж Ольга-госпожа,
 Сидит Ольга-госпожа, да свет Васильевна душа,
 Она шила-вышивала да тонко бело полотно,
 Тонко бело полотно во четыре во угла,
 Первый угол вышивала ясен месяц со звездами,
 Второй угол вышивала ясно солнце с маревами,
 Ясно солнце с маревами, с золотыми со лучами,
 Третий угол вышивала тёмный лес со зверями.
 А четвёртый вышивала сине море с кораблями.
 На серёдке вышивала всю Россию со церквями,
 Со церквями, со попами, со подьяк... — не знаю...
 А тут шёл да прошёл да удалой молодец,
 Удалой молодец да свет Виктор-молодец,
 Да свет Александрович,
 Он куницами-лисицами обвешался,
 На золотое он копье да опирается,
 Небылыми словесами похваляется,
 Уж и взял бы ее да за праву руку... — пропустила...
 Да повел бы ее да во злату церковь,
 Во злату церковь да Божий крест целовать...
 Больше, девки, я ничего не знаю.

«Виноградие бездетное»

Зап. 08.08.58 от Пелагеи Павловны Владимировой, 80 л., в дер. Лампожня Мезенского р-на Архангельской обл. Н. П. Колпаковой.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом), Р. V, колл. 190, п. 1, маш., № 280.

Широка наша Мезень разливалась река,
Да виноградие красно-зеленое,
Что **Степан** на коне да разъезжается,
Да виноградие красно-зеленое,
Еще **Марья** у стремян да убивается,
Она горькими слезами уливается.
Уж еще чей этот дом, чей высокий стоит,
Еще чья это горница, еще чья это светлица?
Как во этом во доме тесана кровать стоит,
На кроваточке периночка пуховая лежит,
На периночке сголовище шелковое.
На сголовье одеяло соболиное лежит,
Как под этим одеялом свет **Иван-от с Марьею**.
Не злачен перстень катался, да дума крепка
Они думали, гадали, калену стрелу сряжали.
Калену стрелу сряжали по поднебесью летать.
Калена стрела летит, за ясна сокола ведет,
А друга стрела летит да лебедей стадо ведет.
(припев после каждой строчки).

Статья поступила в редакцию 6 июня 2015 г.

Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Веселова Инна Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент; veselinna@mail.ru

Veselova Inna S. — PhD, Associate Professor; veselinna@mail.ru